

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. В. Ю. Даренский
г. Луганск, ЛНР

**ОБРАЗ «УНИВЕРСАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»
В РАССКАЗЕ В. И. ДАЛЯ «ДЕНЩИК (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)»**

Аннотация: Статья посвящена анализу рассказа В. Даля «Денщик (Физиологический очерк)» в контексте этоса русской традиционной народной культуры, сформированной христианской традицией. Фундаментальные принципы этого этоса таковы: 1) бескорыстие; 2) сострадательность к людям; 3) восприятие всех событий жизни как нравственных поступков. Фундаментальным принципом этой культуры является духовная универсальность человека. Главный герой — простой денщик — показан как цельный и одновременно разносторонний человек, всегда готовый ко всему, для которого нет ничего неожиданного. Автор статьи рассматривает проблематику рассказа В. Даля как источник экзистенциального опыта для современного человека. Образ главного героя понятен только в контексте глубинных архетипов культуры. Анализируются главные художественные идеи рассказа В. Даля в их взаимосвязи между собой: 1) сущность человеческой судьбы и различных видов нравственной свободы; 2) движущие силы нравственности и жизнотворчества; 3) нравственный смысл русской традиционной народной культуры. Автор предлагает свою интерпретацию духовного опыта В. Даля, связанного с открытием истоков нравственной свободы. В частности, человеческая универсальность и нравственная свобода понимаются В. Далем как незавершенные и загадочные сущности, определяемые различными «жизненными путями» как путями развития опыта христианского мировоззрения, доступного каждому человеку, независимо от его социального статуса.

Ключевые слова: личность, универсальность, русский этос, нравственность, подвиг.

Информация об авторе: Виталий Юрьевич Даренский — кандидат философских наук, доцент, Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, ул. Оборонная, д. 2 А, 910034 г. Луганск, ЛНР. E-mail: darenskiy1972@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.12.2016

Дата публикации: 15.09.2017

Он. <...> Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я. Справедливо. Но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами?

Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?

А. С. Пушкин. Мысли на дороге [Разговор с англичанином] [13, с. 127].

Поэтика «натуральной школы» и жанр «физиологического очерка», в частности, не только не исключают возможности изображения, осмысления и анализа глубоких духовных процессов и переживаний людей, но и имеют в этом отношении ряд преимуществ перед иными стилями. Отличие прозы В. И. Даля от более поздних литературных стилей («психологической прозы» и т. д.), в которых изображение внутреннего, субъективного мира людей стало самоцелью, состоит в том, что в ней этот мир явлен не через рефлексивное самописание, а через жизненные поступки и высказывания героев. В этом отношении «натуральная школа» фактически продолжает поэтику прозы А. С. Пушкина. Стоит усомниться в «устарелости» и якобы примитивности нерексивной («натуральной») поэтики и в том, что она менее эффективна в художественном познании человека, чем позднейшие стили¹.

В. Г. Белинский с восторгом писал об удивительной способности В. И. Даля понимать личность человека из народа: «Боже мой! — как хорошо он знает его натуру! он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком» [2, с. 80]. Н. В. Гоголь отмечал в письме П. А. Плетневу: «...каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни» [15, с. 7]. Однако вскоре возникло и другое мнение. Так, Н. Г. Чернышевский в № 4 «Современника» за 1861 г. в разгромной рецензии на далевские «Картины из русского быта» писал: «По правде говоря, из его рассказов ни на волос не узнаешь ничего о русском народе, да и в самих-то рассказах не найдешь ни капли народности» [15, с. 7]. Столь противоположные мнения объясняются в первую очередь принципиально разными идеологическими установками авторов: в частности, Н. Г. Чернышевского явно не устраивал элемент *эстетического любования народным бытом и поиска его внутреннего «лада»*, которые присущи художественной этнографии В. И. Даля. (А уже в 1980-х гг. понятием «лад» новейший классик русской литературы В. И. Белов охватит уже самую суть русской крестьянской культуры.) Н. Г. Чернышевский же, судя по всему, искал в произведениях о народе в первую очередь изображения такого невыносимого его состояния, которое требует немедленной кровавой революции.

Была и более конструктивная критика. В частности, А. Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии» (1890) утверждал, что В. И. Даль, исследуя народные типы, якобы «не умеет возвести их к общему началу» [14, с. 417–418]. Суть этой претензии скрывается в том, что А. Н. Пыпин понимает под «общим началом». По видимому, он хотел бы видеть у В. И. Даля некую четко сформулированную общую идеологическую

¹ Ср. мнение М. Горького о В. И. Дале: «Его очерки — простые описания природы, такую, какова она есть. Эти очерки имеют огромную ценность правдивых исторических документов... Даль не художник, он не пытается заглянуть в душу изображенных им людей, зато их внешнюю жизнь он знает, как никто не знал ее в то время» [6, с. 187].

установку во взгляде на народный характер и быт — наподобие тех, которые мы находим, например, в очерках «Власть земли» Г. Успенского, «Из деревни» А. Н. Энгельгардта или в письмах В. Г. Короленко, собранных в сборник «Земли! Земли!». Но такой общей идеологической установки, изначально исходящей из представления о «дикости» и «ненормальности» народного быта и характера, у В. И. Даля действительно нет. Однако это — не недостаток, а, наоборот, его достоинство. Фактически к «далевскому» взгляду на народ русская литература снова вернулась только во второй половине XX в. в знаменитой «деревенской прозе». Тем самым именно В. И. Даль и следует считать ее подлинным родоначальником еще в Золотом веке русской литературы.

Выводы современных авторов об особой сложности народного характера и личности принципиально противоречат бытующим порой интеллигентским представлениям о неразвитости и даже примитивности «человека из народа». В таких представлениях явно присутствует откровенная подмена понятий: такие авторы ищут в народных характерах свою же собственную «сложность» городского «образованного человека» и, естественно, не находят ее. Но при этом они принципиально не видят собственной сложности народного характера, которая остается для них непонятной и поэтому невоспринимаемой. Выдающийся русский философ Н. О. Лосский в своем труде «Характер русского народа» (1957) отмечал, что «близость крестьянина к природе и разнообразие труда вырабатывает многостороннюю личность и органическую цельность жизни» [12, с. 131]. Но это в полной мере было показано впервые именно в «этнографической» прозе В. И. Даля. Н. Л. Юган в качестве общего вывода своего исследования духовно-нравственных аспектов этнографической прозы В. И. Даля отмечала, что писатель «огромное внимание обращает на духовный мир личности. При этом он верит в возрождающие душу православные начала народной жизни, а также в возможность воспитания Человека» [17, с. 70]. Этот справедливый вывод, тем не менее пока еще остается рабочей гипотезой, требующей дальнейшей детальной разработки.

Следует также заметить, что в этом смысле русская «натуральная школа» первой половины XIX в. оказалась полной противоположностью того, что в Европе называли «натурализмом» в конце того же века, поскольку в последнем, как справедливо отметил Н. Я. Берковский, «и форма, и радость искусства исчезли у натуралистов, развенчание человека привело к тому, что искусство перестало говорить, утратило орган выражения, мир оказался гнетущим, бессмысленным зрелищем, исключаяющим человеческую свободу и творчество, жизнь оказалась лишенной роста, внутреннего подъема и внутренней связи, оказалась врагом поэзии»; и поэтому, продолжает автор, «русская литература, когда ее впервые широко узнали, для Европы встала как контраст искусству и миропониманию Золя и Тэна. Перед Европой появились живые, полные мыслью о своем призвании, колоссально изваянные русские герои» [4, с. 320]. В данной статье будет дан краткий анализ того, каким образом В. И. Даль средствами поэтики натуральной школы «колоссально изваял русского героя», причем «изваял» его из самого, казалось бы, неподходящего жизненного материала — из *денщика*!

Стоит отметить, что образ денщика не редок в русской литературе, но практически всегда это образ приземленно-трагический. Особняком стоит лишь пушкинский образ «дядьки» Савельича — светлый образ русского человека как такового, однако и он не лишен той же приземленности и трагизма. Но наивысшее проявление этих качеств образа денщика явлены, видимо, в рассказе Вс. Гаршина «Офицер и денщик». Здесь жизнь и судьба денщика показаны как бессмысленные и, более того, являющие бессмысленность самой жизни.

Принципиальный характер для нашей темы имеют следующие глубокие и яркие рассуждения Н. Бердяева из его книги «Философия неравенства», столь ярко отстаивавшей высшее достоинство любой личности, никак не зависящее от случайностей ее социального положения и судьбы:

Судьба каждого человека погружена в вечность, и в вечности нужно искать разгадки ее смысла. Все кажется случайным, бессмысленным и несправедливым в пределах этой кратковременной жизни... Но вы, бунтующие против божественного миропорядка и восстающие против вечности, вы не чувствуете и не видите лица человека, вы чувствуете и видите лишь отрывки и ключья личности, лишь преходящие ее состояния, лишь временные страдания и удовлетворения. Ваше гуманистическое и сентиментальное заступничество за человека, ваше иступленное желание освободить его от страданий и есть ваше неверие в Бога и неверие в человека... И это всегда ведет к истреблению личности во имя освобождения человека от страданий. Принятие *смысла страданий, смысла судьбы, которая со стороны представляется столь несправедливой и неоправданной, и есть утверждение личности, и есть вера в Бога и человека* (Выделено мной. — В. Д.) [3, с. 59].

Как известно, мыслители эпохи Возрождения сформулировали и показали на собственном опыте идеал «универсального человека», uomo universale или homo universalis. Как пишет современный исследователь, «человек как универсум и целостность или как универсальная целостность, тотальность — продуктивная теоретическая абстракция, позволяющая осмыслить общую направленность развития человека постольку, поскольку она наполняется в ходе анализа непосредственным конкретно-историческим содержанием» [11, с. 83]. Поэтому «каждое из качественно определенных отношений человека к миру, базируясь на некоей своеобразной доминирующей плоскости взаимодействия <...> тем не менее в том или ином виде включает и все другие плоскости взаимодействия, хотя последние имеют при этом подчиненный, второстепенный характер. Уже это само по себе вполне определенно указывает, что в рамках любой специфической деятельности человек способен реализовывать себя как существо всеобщее, целостное и универсальное, что не может не сказаться на его мироотношении» [11, с. 84].

Та специфическая деятельность человека, которой занимается денщик, — это поддержание Хозяйства во всех его проявлениях, причем хозяйства дворянина, человека с особыми потребностями. Это уже само по себе требует большой разносторонности; кроме того, само хозяйство — это особая сфера выражения не только материальных, но и духовных сил человека: «...хозяйство, как претворение природных сил, как их организация и регуляция, есть акт человеческого духа... Хозяйство не есть явление мертвой, материальной природы, оно насквозь пропитано духовными энергиями человека и предполагает общение между человеком и природой, их взаимопроникновение. Труд есть явление духа, а не материи, он имеет духовные основы» [3, с. 292].

Исходя из этих общих мировоззренческих принципов рассмотрим, что представляет образ денщика у В. И. Даля, в чем его смысл и непреходящая ценность? Автор «очерка» с самых первых строк указывает на его особую универсальность, пользуясь зооморфной символикой:

Говорят, в каждом человеке есть сходство с тем или другим животным — по наружности, по приемам, собственно по лицу или даже по свойствам и качествам <...>

я бы <...> нарисовал денщика Якова Торцеголового в виде небывалого, невиданного чудовища, составленного из пяти животных: одного недостаточно, потому что достоинства Якова слишком разнообразны. *Верблюды*, сутулый, неповоротливый, молчаливый, — а подчас несносно крикливый — и притом безответный работник до последнего издыхания; *волк*, с неуклюжею, но иногда смешною хитростью и жадностью своею, дерзкий и неутомимый во время голода; *пес*, ползачивый, верный, который лает на все, что только увидит вне конуры своей; *хомяк*, домовитый хозяин, с запасными сумками за скулами, который полагает, по-видимому, будто весь мир создан для того только, чтобы было откуда таскать запас и припас в свою норку, и, наконец, *бобр-строитель*, который на все мастер, все умеет сделать, что нужно в доме, и хоть из грязи, да слепит хатку и живет по-своему хорошо. Вот эти пять животных — вот какой сложный зверь вышел бы у меня из Якова Торцеголового [7, с. 239].

Эти зооморфные символы очерчивают некий смысловой «круг» жизни и деятельности человека, охватывая все ее стороны и проявления с точки зрения тех психологических и нравственных качеств, которые для них требуются. И, как видим, простой денщик — это *цельный и одновременно разносторонний человек*, всегда готовый ко всему, для которого нет ничего неожиданного.

Однако при этом он отнюдь не какой-то выдающийся «герой», а скорее наоборот: «...он попал в денщики по малому росту и сутулости, был сверх того левша, любил на ходу глядеть в землю, махать руками, переваливаться и распускать около себя одежду повольнее» [7, с. 240]. Последнее обстоятельство особо важно: «...как тесного, так и короткого платья Яков не мог терпеть <...> Он любил, чтобы все около него было и просторно и прикрыто» [7, с. 240]. Из этого ясно, в чем черпает силу этот на вид столь невзрачный человек: из *естественного ощущения свободы и вольности своего бытия*.

Эта свобода как особая атмосфера жизни позволяет ему видеть и полноту бытия в каждой отдельной, даже самой простой вещи. Поэтому, например, «на сапоги свои Яков любил иногда глядеть безотчетно и засматривался на них по целым часам, особенно когда они были недавно вычинены им и вымазаны салом <...> Он мурлыкал в такое время про себя: “Растоскуйся ты, моя голубушка!” или насвистывал сквозь зубы другую заунывную песню» [7, с. 241]. Но эта «заунывность» здесь — это вовсе не выражение грусти, но она необходима для углубления в созерцание вещи и мира.

Именно это естественное ощущение свободы и полноты своего бытия позволяет Якову *находить смысл своей жизни в честном служении*:

Яков служивал на веку своем у всяких господ, как уверял он, и служил верой и правдой <...> плакался, как жалуются по привычке на весь божий свет, а не то чтобы взаправду, как жалуются на беду неминуемую, известную, общую: на господ-де, известное дело, не угодишь; господской работы не переработаешь; работа наша, хоть день и ночь прибирай, не видная, — ровно все ничего не делаешь, а к вечеру поясницу разломит и прочее, а затем в утешение себе же он приговаривал: «Что ж, известно, на то они господа» [7, с. 241].

Столь естественное, ненарочитое смирение отнюдь не означает некой «порабощенности», но, наоборот, вытекает из *свободного осуществления своего долга* и глубокой *христианской совести*. Именно поэтому он может спокойно *поучать* своего барина, вспоминая, как того привезли пьяного: «<...> вы еще изволите упираться, а там и драться. “Не тронь, говорите, не подымай меня, не твое дело”. Ну чье же, сударь,

дело, коли не мое? Известно уже, коли я не присмотрю за вами, так кто же приглядит? Нехорошо, сударь, воля ваша, что этак-то хорошего будет? Ничего не будет!» [7, с. 244].

Когда же один из особо трудных в обращении барин его «волею Божию помре», «бедный Яков Торцеголовый в отчаянии ударил руками об полы и залился слезами. Он пересчитывал и припоминал все дурные свойства и качеств покойного, оканчивая, однако же, каждый раз припевом: “Да все-таки барин добрый был!”» [7, с. 242]. «Чувствительность и добродушие русского человека при подобных случаях заслуживают всякого уважения» [7, с. 242], — замечает по этому поводу В. Даль. никоим образом невозможно в этом усматривать некое якобы «рабское сознание», но как раз наоборот — это не что иное, как самое высокое проявление нравственной свободы человека, так легко и естественно преодолевающего все обиды и всем сердцем выражающего свою любовь и сочувствие к человеку, их причинившего. Но для понимания этого требуется именно христианское понимание сущности человеческой свободы — а оно является самым глубоким по своей сути и смыслу и самым труднодостижимым в реальной жизни, — а не то, светское, эгоцентрическое понимание свободы, к которому приучает современная безбожная цивилизация и которое сводится лишь к инфантильному потаканию своим желаниям.

Особо яркая деталь этого события: «Яков побежал объявить о смерти барина своего адъютанту и сказал ему предлинную чувствительную речь, которой смысл — по отрывистому расположению дум Якова — трудно выразить, но в коей несколько раз повторялось: “Власть Господня, все мы под Богом Ходим, покуда грехам нашим терпит — а у меня, сударь, известное дело, теперь родных больше нет, кроме вас, больше заступиться за меня некому”. Адъютанта этого Яков причел в родни, потому что тот более других знал с барином его» [7, с. 244]. Другая яркая деталь этого события: «Когда, по внезапной смерти барина, пришли описывать и опечатывать имение его, то Яков из усердия к покойному заступился за так называемое имение это и не хотел допустить никого; за это попал он под караул и чуть не было еще хуже. Что он думал в это время, как мог отстаивать мундир и панталоны покойного барина силой, — этого не мог он объяснить толком никогда; но отговаривался и оправдывался впоследствии тем только, что, “известно-де, за покойника заступиться некому; как же мне не беречь господского добра?” <...> Из беды и напасти, то есть из острога, после заступничества за имущество покойного барина Якова выручил другой барин, который взял его в денщики» [7, с. 245]. В этом столь непосредственном и жизненно-отчаянном исполнении им Божией заповеди «Будь верен до смерти» особенно глубоко явлена глубина и цельность личности Якова, которая и является основой ее жизненной универсальности.

Другой стороной его мировоззрения, которая делает эту универсальность не аморфной и размытой, а очень четкой и конкретной, является особый образ мировосприятия денщика, для него вполне естественный. Яков, как лишь с внешней иронией замечает В. И. Даль (ибо за этой иронией явно проступает весьма глубокое наблюдение над душой русского человека), «дошел своим умом до основных понятий философии Канта, с тем только различием, что употреблял при всеобщем разделении вселенной множественное число вместо единственного; весь мир распадался для него на две половины: на *мы* и *не мы*. *Мы* — это были для него сам он с барином своим и со всеми пожитками: *не мы* — это были все прочие господа, весь видимый мир. В более обширном смысле *мы* означало также свою роту, батальон или даже полк, а в самом пространном значении *мы* принималось в смысле: вся армия, все военные, и тогда *мы* и *не мы* было то же, что приятель и неприятель» [7, с. 245].

«Не мы» здесь — это просто принцип человеческой честности, ибо душа человека не безразмерна и не может любить всех. (Заметим, что этот смысл людского «Мы», иронически сопоставленный здесь В. И. Далем с кантовским, западным делением мира на Я и не-Я уже в XX в. стал разрабатываться русскими философами, особенно С. Л. Франком, как особенный принцип русского мировоззрения в его отличии от европейского.) Это фундаментальное «Мы» в Якове было воспитано уже тем, что он сохранял самую глубокую нравственную связь со своими родными, которых он не видел уже много лет. Событие написание письма им становилось для него неким торжественным обрядом, почти священнодействием:

Бывало, Яков собирается писать домой письмо; тогда он ходит несколько дней призадумавшись, забывает дело и отвечает невпопад <...> Письмо крепко озабочивало Якова, и хотя это случалось никак не более одного или двух раз в год, но зато он в это время жил душою дома, где не бывал уже лет около двадцати <...> Человек двадцать родных было еще у Якова — русский человек без них не живет, — и он отписывал каждому порознь и поименно милостивого государя или государыню, любезного, возлюбленного, вселюбнейшего — а затем нижайший, глубочайший, усердный, преусердный или другого разбора поклон <...> испрашивая у родителей, дядей, теток и прочих, у каждого порознь, их родительского или родственного благословения, навеки нерушимого <...>. Он иногда вставлял еще где-нибудь известия о здоровье или нездоровье своего барина, говорил, что мы-де с барином собираемся жениться и прочее [7, с. 247].

Последняя деталь особенно важна: и барин включается в родственное «Мы» так, словно все уже человечество воспринимается как единая братская Семья людей.

Здесь стоит вспомнить, как В. И. Даль разъяснил нравственную сущность русской самоуправляющейся общины в своей записке, написанной в период выработки проектов отмены крепостного права. В ней он, в частности, писал: «Нет ничего могучее и благодетельнее здорового мирского управления, этого христианского отречения от личности своей на общую пользу» [8, с. 213]. Как видим, принцип «христианского отречения от личности своей на общую пользу» лежит и в основе личности денщика Якова.

Можно также сказать, что это родственное «Мы» еще распространяется Яковым даже и на природу, становясь всеобъемлющим. Об этом ярко говорит такая черта его поведения, о которой не зря сказал В. И. Даль:

Замечательное и преполозное для барина его свойство Якова заключалось еще в том, что он был везде дома, куда бы ни пришел <...> от которого дружился с каждой собакой, как только шагнет на двор. «Отчего на тебя, Яков, и собаки не лают?» — спрашивали у него, бывало, и он отвечал, смотря по расположению своему: «Они мне все свои, я всех их знаю»; или: «А что ей лаять — не видала, что ли, она человека?» [7, с. 248].

В свою очередь через это родственное «Мы» воспринимаются Яковым и годовые циклы природы, так он строит свой особый «календарь»:

Известно, что календарь нашего крестьянина отличается по способу выражения от нашего: мужик редко знает месяцы и числа, но знает хорошо посты, заговенья, сочельники, все праздники, святых и, избирая более замечательные в быту его сроки,

обозначает их теми названиями. У Якова был свой календарь, довольно понятный в его кругу: время назначения новых капралов, фельдфебелей, ротных, батальонных, полковых, бригадных и, наконец, корпусных командиров; смотр, постройка или пригонка амуниции, лагерь, ученье, перемена стоянки, марши, походы, дневки, привалы — и, наконец, замечательные события в роте, в батальоне, в полку [7, с. 249].

С другой же стороны, как тонко подмечает В. И. Даль, «для настоящего ему не нужно было календаря, потому что оно пролетало мимо его, как мимо всех нас; а для будущего — потому что он все будущее предоставлял Богу» [7, с. 249]. Вот такое восприятие Настоящего и Будущего, с одной стороны, свидетельствует о естественной легкости и вольности, внутренней свободе бытия этого человека, а с другой — является исполнением Божией заповеди не заботиться о завтрашнем дне, доверяясь воле Божией (однако это никак не противоречит упорному труду, но, наоборот, составляет его нравственную основу). Причем обе эти стороны неразрывно связаны между собой.

Завершая свой «очерк», В. И. Даль дает особо экспрессивный образ «на все руки мастера», в котором универсальность человека явлена особо зримо:

Таков был Яков, и таковы будут все Яковы наши, по крайней мере большинство их. Мастер <...> на всякую домашнюю потребу, он чинил сапоги, латал, как мы видели выше, платье, строгал, заклепывал, долбил, клеил и ладил все, что было нужно в походном хозяйстве. Как комнатный, кравчий и постельничий он ставил чайник, варил кофе, набивал трубки, бегал за вином рысью и откупоривал бутылки, стлал солому, покрывал ее простыней или рядном и клал в голову подушку, а в ноги халат и про запас еще шинель, чтобы одеться; как конюший или ясельничий стремянный и кучер он ходил за лошадью, когда она была у барана, седлая ее выбракованным гусарским седлишком или закладывая в пошевни; как приспешник готовил он де четырех блюд: щи, кашу, пирог и битки [7, с. 429–250].

Для сравнения стоит вспомнить трагическую попытку денщика в рассказе Вс. Гаршина «Денщик и офицер» выделить для себя отдельное собственное ремесло в отдельности от общей соборной службы: «Никита научился немного чеботарить: класть заплатки, подкидывать подметки, набивать подборы; переселившись к Стебелькову, он вздумал было продолжать свое ремесло, пряча мешок за двери в сенях, как только раздавался стук в двери. Барин, несколько дней замечавший, что в передней сильно пахнет черным товаром, доискался причины запаха и задал Никите жестокую головоломку, после чего приказал, “чтобы этого никогда не было”. Тогда Никите осталось только лежать на своей шинельке и думать» [5, с. 142]. Это выпадение из соборного общего дела и стало источником трагедии для героев Вс. Гаршина.

Не случайно особо яркий образ человеческой универсальности явлен именно в денщике — этом низшем представителе военного сословия. Философ русского зарубежья Н. М. Бахтин (родной брат М. М. Бахтина) описал свой экзистенциальный опыт службы во французском Иностранном легионе так: «...это смутное, но сильное ощущение причастности своей к какому-то большому и трудному делу, этот строй жизни, который, ничего не подавляя, дает всему упор, направление и смысл, — все это заставляет многих любить Легион крепкой и простой любовью, которая показалась бы странной поверхностному наблюдателю» [1, с. 14]. Таковы те нравственно-психологические основания военного братства и военной службы, благодаря которым столь мощно и ярко является цельность и универсальность личности в этой среде.

Как писал Н. Я. Берковский в своей известной работе «Запад и русское своеобразие в литературе», «русский антропоцентризм в искусстве не был фразой, бессильным притязанием, а был воплощенным, воочию показанным делом художника лишь потому, что в русском историческом опыте, в самой русской действительности содержались примеры значения личности — ее значения, когда она живет и действует заодно с остальной человеческой массой, прямо или издалека поддержанная ею <...> она могла доразвить себя, добиться свободы и самостоятельности лишь в союзе с народом и нацией» [4, с. 326]. И далевский образ денщика Якова — одно из ярких воплощений этого общего для всей русской литературы принципа.

В. Г. Белинский писал о специфике поэтики В. И. Даля: «В. И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим*. Повесть с завязкою и развязкою — не в таланте В. И. Луганского <...> в физиологических же очерках лиц разных сословий он — истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в прошлом и глупом значении этого слова, т. е. не в смысле украшения действительности, а в истинном его смысле — воспроизведения действительности во всей ее истине» [2, с. 398–399]. В данном рассказе идеал «в истинном его смысле» — это раскрытие подлинной сущности человеческой личности и судьбы как способной воплощать в себе высшие смыслы жизни не взирая ни на какую ограниченность ее частных форм.

Антропологическая цель искусства — целенаправленное акцентирование процесса переживания ценностно-смысловых оснований человеческого бытия. Но это может происходить разными способами. Вяч. И. Иванов предложил дихотомическую типологию творческого мировидения, разделяя художников на «разоблачителей», которые «верят в противоположность “маски” и “правды”», и «облачителей», которые «любят в маске символ — тело тайны и знают, что “правда” ее неуловима <...> они чтут маску, как аполлонийскую завесу божественной пощады» [10, с. 76–77]. По этой типологии В. И. Даль относится скорее к «облачителям», которые скрывают глубинные смыслы человеческого бытия под «маской» внешне непритязательного «физиологического очерка».

При этом творчество В. Даля органично вписано в глубинный смысл всей русской литературы, который состоит в высшей идее духовно-нравственного преображения человека, в ее базовом «пасхальном сюжете». И. А. Есаулов в своем парадигмальном исследовании «Пасхальность русской словесности» пишет, что «пасхальный сюжет может присутствовать в тексте и имплицитно, как это происходит в стихотворении Ф. И. Тютчева “Эти бедные селенья...”. В завершающей строфе звучит особое — крестное — избрничество:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Подчеркнем, — продолжает автор, — что Христос в тютчевском тексте вовсе не празднично-«рождественский» <...> но страдающий; «удрученный»; «в рабском виде». Его *страстная* крестная ноша, таким образом, как бы соразделяется Россией. В четырех финальных строках Тютчева мы наблюдаем в сконцентрированном виде целостный *пасхальный сюжет*: от крестных Страстей Христовых (ведь «удрученный»

своей “ношей” Спаситель именно потому “в рабском виде” несет крест, что это путь на Голгофу) к пасхальному благословию России. Так *страдания* посредством благословения преобразуются в итоговую *победу*: в христианском контексте понимания эта победа может быть понята только как победа над смертью, Воскресение» [9, с. 79–80]. Соответственно, и в кратко рассмотренном нами рассказе В. И. Даля жизнь простого денщика предстает как *нравственный подвиг служения*, и она в своем предельном смысловом значении уподобляется земному страдному пути самого Христа. И поэтому столь неприметная судьба «маленького человека» в конце концов празднует победу над человеческой конечностью и своей земной ограниченностью, являя собой образ универсальности человеческой личности.

На рассмотренном нами примере одного лишь рассказа вполне очевидно, что в прозе В. И. Даля происходит явный поворот к той фундаментальной нравственно-антропологической проблематике, которая позднее стала главной мировой ценностью русской литературы. Но особая ценность и специфика его прозы в том, что в ней эта проблематика органически вырастает из конкретно-бытовых, «физиологических» особенностей русского народа. А последние глубоко несут в себе многовековой опыт христианской жизни, определяя то особое содержание, которое кроется под маской простого «бытописания».

Как справедливо отметил С. А. Фомичев, «художественный потенциал В. И. Даля был гораздо выше пытливого и изощренного этнографизма, в котором Казаку Луганскому в ту пору действительно не было равных и который в реальном развитии русской литературы ее Золотого века приобретал принципиально важное значение» [16, с. 111]. Так называемый этнографизм В. И. Даля не является самоцелью (хотя изучение народа в форме художественных очерков само по себе и имеет огромную ценность), но вместе с тем несет в себе и особый нравственный смысл.

Этот смысл состоит в том, чтобы на основе изучения народных типов обострить нравственную рефлексию «образованного общества», заставить его посмотреть на себя со стороны и понять, в чем современная цивилизация действительно несет прогресс, а в чем, возможно, и наоборот, она делает человека более примитивным, в первую очередь в нравственном отношении. Таким образом, «художественная этнография» В. И. Даля — это мощное средство духовно-нравственного и эстетического воздействия на читателя, всегда побуждающего его к саморефлексии и самосовершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бахтин Н. М. Военный монастырь // Философия как живой опыт. М.: Лабиринт, 2008. С. 8–14.
- 2 Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 9. 586 с.
- 3 Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: АСТ, 2006. 349 с.
- 4 Берковский Н. Я. Запад и русское своеобразие в литературе. Русский стиль, русская эстетика и оценка их на Западе // Мир, создаваемый литературой. М.: Сов. писатель, 1989. С. 331–473.
- 5 Гаршин В. М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма. М.: Сов. Россия, 1984. 432 с.
- 6 Горький М. История русской литературы. М.: Гослитиздат, 1939. 436 с.
- 7 Даль В. И. Избранные произведения. М.: Правда, 1983. 448 с.
- 8 Даль В. И. Записка // Далевский сборник. Луганск: Альма матер, 2002. С. 210–214.

- 9 *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
- 10 *Иванов Вяч.* Споряды // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 73–95.
- 11 *Лановенко О. П.* Научно-технический прогресс и природа искусства // Взаимодействие науки и искусства и творчество художника / под. ред. В. И. Мазепы. Киев: Наукова думка, 1988. С. 69–89.
- 12 *Лосский Н. О.* Характер русского народа. М.: ДАРЪ, 2005. 336 с.
- 13 *Пушкин А. С.* Мысли на дороге // *Пушкин А. С.* Соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1960. Т. VI: Критика и публицистика. С. 392–396.
- 14 *Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб.: Изд. А. Пыпина, 1890. 586 с.
- 15 *Фесенко Ю. П.* Проза В. И. Даля. Творческая эволюция. Луганск; СПб., 1999. 262 с.
- 16 *Фомичев С. А.* «Далевский пяток на выбор» // Шестые Международные Далевские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Луганск, Изд-во Восточноукр. нац. ун-та, 2001. С. 111–125.
- 17 *Юган Н. Л.* В. И. Даль известный и неизвестный в призме современного литературоведения // *Даль В. И.* Избранные произведения: в 2 т. Луганск, 2014. Т. 2. С. 5–70.

© 2017. Vitaliy Y. Darenskiy
Lugansk, LPR

IMAGE OF “UNIVERSAL MAN” IN DAHL’S NOVEL “OFFICER’S VALET (PHYSIOLOGICAL SKETCH)”

Abstract: The article is devoted to the analysis of V. Dahl’s novel “*Denschik* (Physiological sketch)” in the context of Russian traditional folk’s culture ethos, formed within Christian tradition. Fundamental imperatives of the ethos are: 1) unselfishness; 2) tenderness to people; 3) perception of all life events as a sort of moral deeds. A fundamental principle of this culture, thoroughly demonstrated in a V. Dahl’s novel, is a spiritual universality of person. The author considers the problematic of this Dahl’s novel as a source of existential experience for contemporary man. Author’s interpretation of the novel based on rethinking of universal human experience, necessarily linked with archetypes of culture. The paper discusses various artistic conceptions of V. Dahl: such as 1) essence of human destiny and types of moral freedom; 2) driving forces of morality and life creativity; 3) moral meaning of Russian folk’s ethos. The article also examines essential links between these conceptions. The author proposes his own interpretation of V. Dahl’s spiritual experience, which is necessarily linked with a source of human freedom. For instance, V. Dahl interprets human universality and moral freedom as untermiated and enigmatical substances, which are determined by different types of “life ways” as ways of the Christian worldview experience available to each person.

Keywords: person, universality, Russian ethos, folk’s culture, moral.

Information about the author: Vitaliy Y. Darenskiy — PhD in Philosophy, Associate Professor, Lugansk National University, Oboronnaja St., 5A, 910034 Lugansk, LPR. E-mail: darenskiy1972@mail.ru

Received: December 25, 2016

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Bahtin N. M. Voennyj monastyr' [Military monastery]. *Filosofija kak zhivoj opyt* [Philosophy as a vivid experience]. Moscow, Labirint Publ., 2008. (In Russian)
- 2 Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956. Vol. 9. 586 p. (In Russian)
- 3 Berdjaev N. A. *Filosofija neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, AST Publ., 2006. 349 p. (In Russian)
- 4 Berkovskij N. Ja. Zapad i russkoe svoeobrazie v literature. Russkij stil', russkajaj estetika i ocenka ih na Zapade [The West and Russian distinctness in literature. Russian style, Russian aesthetics and their appraisal in the West]. Berkovskij N. Ja. *Mir, sozdavaemyj literaturoj* [The world that literature creates]. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1989, pp. 331–473. (In Russian)
- 5 Garshin V. M. *Sochinenija: Rasskazy. Oчерki. Stat'i. Pis'ma* [Works: Novels, Sketches, Articles]. Moscow, Sovetskaia Rossija Publ., 1984. 432 p. (In Russian)
- 6 Gor'kij M. *Istorija russkoj literatury* [History of Russian literature]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939. 436 p. (In Russian)
- 7 Dal' V. I. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow, Pravda Publ., 1983. 448 p. (In Russian)
- 8 Dal' V. I. Zapiska [A note]. *Dalevskij sbornik* [Dahl's collection]. Lugansk, Al'ma mater Publ., 2002, pp. 210–214. (In Russian)
- 9 Esaulov I. A. *Pashal'nost' russkoj slovesnosti* [Easter Evangelic sense of Russian literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russian)
- 10 Ivanov Vjach. Sporady [Sporades]. Ivanov Vjach. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and global]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 73–95. (In Russian)
- 11 Lanovenko O. P. Nauchno-tehnicheskij progress iprirodaiskusstva [Progress in science and technology and the nature of art]. *Vzaimodejstvie nauki i iskusstva i tvorcestvo hudozhnika* [Interaction between science and art and creativity of artist], anthology edited by V. I. Mazepa. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 69–89. (In Russian)
- 12 Losskij N. O. *Harakter russkogo naroda* [Character of the Russian nation]. Moscow, DAR Publ., 2005. 336 p. (In Russian)
- 13 Pushkin A. S. Mysli na doroge [Reflections on the road]. *Sochineniia: v 10 t. Kritika i publicistika* [Works: in 10 vols. Critics and essays]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1960, pp. 392–396. (In Russian)
- 14 Pypin A. N. *Istorija russkoj etnografii* [History of Russian ethnography]. St. Petersburg, Izdatel'stvo A. Pypina Publ., 1890. 586 p. (In Russian)
- 15 Fesenko Ju. P. *Proza V. I. Dalja. Tvorcheskajaj evoljucija* [Prose of V. I. Dahl'. Creative evolution]. Lugansk, St. Peterburg, 1999. 262 p. (In Russian)
- 16 Fomichev S. A. "Dalevskij pjatok na vybor" ["V. I. Dahl's "five" at your discretion"]. *Shestye Mezhdunarodnye Dalevskie chtenija, posvjashhennye 200-letiju so dnja rozhdenija V. I. Dalja*. Lugansk, Izd-vo Vostochnoukrajinskogo natsional'nogo universiteta Publ., 2001, pp. 111–125. (In Russian)
- 17 Jugan N. L. V. I. Dal' izvestnyj i neizvestnyj v prizme sovremennogo literaturovedenija [Known and unknown Dahl'in terms of contemporary literary science]. Dal' V. I. *Izbrannye proizvedenija: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols.] Lugansk, 2014, vol. 2, pp. 5–70. (In Russian)